

А.И. Левин,
кандидат философских наук,
профессор кафедры истории, теории и методики социальной работы
Курского института социального образования (филиала) РГСУ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

В результате парламентских слушаний “О построении информационного общества в России”, в частности, принята такая рекомендация: “Последствия потери контроля за информационными потоками на федеральном уровне... могли бы сравниться с последствиями разрушения единой энергетической, транспортной и иных систем жизнеобеспечения государства” [1]. В самом деле, становление информационного общества создает принципиально новую социально-экономическую обстановку. Еще в 60-90-е годы XX в. исследователи выделяли основополагающие черты нового социального устройства.

- 1. Определяющим фактором общественной жизни в целом является научное знание.** Оно вытесняет труд (ручной и механизированный), экономические и социальные функции капитала переходят к информации.
- 2. Уровень знаний, а не собственность, становится существенным фактором социальной дифференциации.** Деление на “имущих” и “неимущих” приобретает принципиально новый характер: привилегированный слой образуют информированные, неинформированные — это “новые бедные”. Очаг социальных конфликтов перемещается из экономической сферы в сферу культуры.
- 3. Инфраструктурой информационного общества является новая “интеллектуальная”, а не “механическая” техника.** Социальная организация и информационные технологии образуют “симбиоз”. Общество вступает в “технотронную эру”, когда социальные процессы становятся программируемыми [2].

В идеале информационное общество рассматривается его теоретиками в качестве альтернативы во многом социально несправедливому современному социальному устройству. Сторонники “технологического детерминизма” (Д. Белл, Г. Кан, А. Тоффлер, Дж. Нейсбит) приходят к выводу

о том, что **технологический прогресс человечества позволит ликвидировать социальное неравенство людей**. Технология настолько подчинит себе жизнь людей, что можно будет говорить и о “технологическом человеке”, и о “социальных технологиях”. “Социальные технологии” в таком случае могут пониматься как технооптимистическая и технократическая позиция, подразумевающая, что социальными законами можно управлять на механическом уровне. Например, Л. Мэмфорд считал, что в будущем общество превратится в своего рода “мегамашину”, которая будет стоять над людьми и предопределять их поведение и сознание [3].

Разумеется, как любой идеал социального устройства столь откровенно технократическая трактовка не может быть осуществлена в своем полном варианте. Ни одно общество не может настолько сильно зависеть от технологической стороны социальных взаимоотношений. Тем не менее прогресс технологии неизбежно влечет за собой прогресс социальный. С точки зрения П. Дракера, которую он развивает в книге “Постэкономическое общество”, сущностью социального переворота является преодоление традиционного капитализма. Основными признаками происходящего сдвига он считает переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации, преодоление капиталистической частной собственности и отчуждения в его марксовом понимании, формирование новой системы ценностей современного человека и отказ от идеи национального государства в пользу глобальной экономики и глобального социума.

Наибольшее предпочтение сторонники информационного общества отдают варианту социального развития, при котором быстрый технологический и экономический рост приведут к большему равенству людей. В результате реализации правил, которые выработываются в современной информационной экономике, без катастрофических социальных преобразований как в развитых, так и развивающихся странах можно будет прийти к новой социальной системе. В ней быстрый экономический рост будет сочетаться с более справедливым распределением мирового богатства [4], что в свою очередь приведет к обеспечению приемлемого уровня жизни для большинства жителей планеты.

Можно сформулировать несколько основных правил экономики, переживающей революционный подъем [5]. Во-первых, **в любой отрасли, которая переживает технологический прорыв, неуклонно растет качество, а цена на продукты труда падает**. Однако, когда период быстрого

роста заканчивается, вступает в действие второе правило — **увеличение качественного разнообразия предлагаемой техники**. Как показывают расчеты PC Magazine Labs, производительность новейшего компьютера оказалась в 1,7 раза ниже, чем рассчитанная по закону Мура [6]. И, наконец, **каждый технологический прорыв расширяет возможности человечества до ранее невиданных пределов**. Правда, в любой экономике (в том числе и информационной) существуют пределы развития, описываемые стандартными макроэкономическими законами. Вот почему далеко не все так гладко в социальной перспективе, как этого бы хотелось “классикам” постиндустриального и информационного развития. Возникает ряд затруднений в жизнедеятельности социального организма, которые требуют своего осмысления. Существует ряд критериев, позволяющих оценить уровень социального успеха как отдельных личностей, так и социальных групп в целом. Как известно, во второй половине XX века вводится термин “индекс развития человеческого потенциала”. Основными факторами, от которых зависит развитие индекса человеческого потенциала, признаются:

- а) **продуктивность**, понимаемая как результат эффективной экономической деятельности, направленной на повышение реальных доходов населения и возможности пользования различными благами;
- б) **равенство**, рассматриваемое как широкое предоставление возможности реализации социальных способностей граждан и использования ими социальных благ;
- в) **устойчивость**, позволяющая обеспечить цивилизационное развитие не только в настоящем, но и для будущих поколений [7].

Существуют различные варианты подсчета индекса человеческого потенциала в различных странах, в том числе и России. Для нас же в рамках данного исследования важнее понять взаимосвязь между общественными тенденциями развития личности и конкретными социальными проблемами, ожидающими нас в связи со становлением информационного общества.

Важнейшим следствием развития экономики и технологии в информационном обществе станет резкое изменение социального статуса большинства людей. Социальный статус личности, определяемый как “позиция человека в обществе с определенными правами и обязанностями” [8], формируется под воздействием разных факторов. Среди них и образование человека, и его социальное положение, возможность обеспечить себе и близким достойное существование, и предоставляемые обществом пути к осуществлению личностных прав и притязаний. Наиболее общим термином,

выражающим отношение людей и общества к социальному статусу личности, нам видится “престиж”. Занимая некое общественное положение, человек претендует и на ту долю престижа, которая соответствует данному конкретному положению. Осуществление престижных притязаний зависит в равной степени как от внешних обстоятельств, так и от внутренних. Зачастую официальная и явная престижность не совпадают. Так, в странах с развитыми товарно-денежными отношениями сам факт обладания денежными ресурсами определяет значительный социальный статус человека. В государствах, осуществляющих “безденежные” модели отношений (например, в бывшем Советском Союзе), наиболее социально престижными выглядели те группы, которые не столько производили, сколько перераспределяли материальные ценности. (Не исключение в этом отношении и современная Россия.) В нашей стране в результате значительных социально-экономических потрясений сложилась огромная прослойка “новых бедных”. Если ранее категория бедности, или нуждаемости, определялась низкой оплатой труда непрестижных профессий, жизнью в селе, тем или иным “поражением” в правах, то в настоящее время “новыми бедными” стали практически все слои населения.

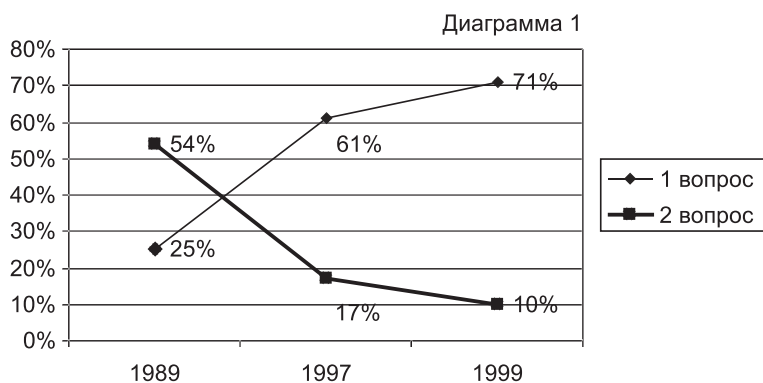
“В эту категорию вошли такие группы, которые никогда не были в нищенском положении, — ученые, работники культуры и образования, значительная часть научно-технической и гуманитарной интеллигенции, многие квалифицированные рабочие” [9].

Мы “бессильно” наблюдаем формирование в России перевернутой социальной пирамиды. Престижность профессии или социального статуса перестали определяться возрастом человека или же его образованием. Не зависят они и от профессиональной пригодности работника. В стране господствуют некомпетентность и социальная дисгармония. Очень узкий слой профессионалов, определяющих дальнейшие пути развития страны, потерял всякую связь с основной социообразующей массой. По мнению Ольги Маховской, социально-гуманитарная наука в России умерла, и лишь отдельные ученые могут себя реализовывать через “неспецифические коллективы”. Результатом такого явления, характерного не только для науки, но и для всей социально-экономической структуры страны, становится постепенная потеря качества работника [10].

В стране произошло разрушение существовавшей ранее системы **трудо-вой мотивации**. Выросло число людей, которые считают, что именно работа должна составлять основной источник получения средств к существованию (в

1989 г. — 25%, 1997 г. — 61% и 1999 г. — 71% респондентов ВЦИОМ ответили подобным образом). Одновременно произошло резкое снижение ориентации людей не только на важность труда, но и на другие ценности, находящиеся вне сферы производственной деятельности (в 1989 г. — 54%, 1997 г. — 17% и 1999 г. — 10%) [11]. **Таким образом, можно констатировать увеличение значимости материальной заинтересованности и уменьшение творческих мотивов в процессе производства** (см. диагр. 1).

Изменение мотивации труда в России
(по данным ВЦИОМ)

Парадоксальность ситуации состоит не только в том, что сложилась перевернутая социальная пирамида, Россия оказалась в ситуации двойного экономического перехода — от социалистической системы к капиталистической, от индустриального развития к постиндустриальному и информационному. Такой поворот событий углубляет экономические и социальные противоречия в государстве, создает реальные условия для социальной напряженности. Это объясняется тем, что в информационном обществе изменяется содержание индекса развития человеческого потенциала. При резком увеличении продуктивности экономики возрастает образовательный потенциал граждан, но изменяется и структура социального успеха и неуспеха. Разумеется, в отношении социальной защиты продолжает оставаться актуальным ряд задач.

В любом обществе нуждаются в особой социальной заботе лица

с девиантным поведением, с ограниченными возможностями, отклонениями в развитии, люди преклонного возраста и дети. Но в информационном обществе возникают абсолютно новые категории, которые также нуждаются в социальной защите. Не секрет, что внедрение новых профессий, изменение структуры занятости населения к исчезновению многих специальностей. Как отмечает А. Дюкрок: “Жестокость и размах профессиональных перемещений, которые нам предстоит испытать в эру компьютеров и роботов, станут поистине беспрецедентными. Более половины существующих рабочих мест исчезнут в предстоящие три пятилетия. А на тех, что сохранятся, в редком случае можно будет продолжать работать по-прежнему” [12].

Исчезновение одних и появление других специальностей в процессе общественного разделения труда ставят перед агентами социальных отношений проблему активной мобильности. При этом мобильность может пониматься двояко. С одной стороны, от человека требуются быстрое усвоение новых знаний и быстрое повышение своей квалификации в ответ на всевозрастающие технологические требования. В таком случае в решающую сферу жизни превратится **образование**. Продвигаться по службе становится возможным почти исключительно при помощи дополнительного образования. С другой стороны, увеличение сроков образования опосредованно отразится на семье, так как оно отдаляет вступление в полноценную профессиональную деятельность индивида, помимо того, длящееся обучение видоизменяет интересы и ценности человека [13]. Таким образом, в настоящее время общество переживает самый трудный этап революционного становления новой системы социально-экономических взаимоотношений. И этот переходный период между индустриальным и информационным обществом будет переживаться наиболее остро и болезненно. По мнению Тоффлера, он будет характеризоваться крайними социальными потрясениями, а также неконтролируемыми экономическими спадами, политическими водоротами, насилием, военными угрозами и войнами [14].

Одной из острейших социальных проблем информационного общества может стать и **информационное неравенство** [15]. Между тем существует проверенный мировой практикой способ дезактуализации информационного неравенства: формирование в государствах, которые строят информационное общество, особой просветительской структуры. Задачи информационно-образовательных учреждений в таком случае будут заключаться в следующем: а) предоставление всем членам общества равной возможности для получения

знаний и умений, которые позволят людям правильно ориентироваться в океане информации;

- б) популяризация информационных и коммуникационных технологий с целью уменьшения недоверия к достижениям науки и техники, преодоления антитехнических настроений (важность второй задачи нельзя преуменьшать, ибо она продолжает оставаться актуальной).

Итак, мы имеем возможность утверждать, что формирующееся информационное общество наряду с положительными достижениями приносит человеческой цивилизации и ряд трудностей социального характера. В связи с этим функции социальной защиты населения в государствах, которые переходят к информационному производству, должны сочетать как традиционные подходы к социальной политике, так и принципиально новые. Вероятно, адаптация и реабилитация лиц, которые не могут приспособиться к изменяющемуся миру, приобретают первостепенную роль для любого государства, которое называет себя социальным.

Строительство в России полноценного информационного общества “в идеале” не должно сопровождаться бурными социальными потрясениями. Разрабатываются несколько основных вариантов концепции “мягкого” вхождения нашей страны в новое состояние. Сохранение здорового ядра старого в новом и поиск адаптационных механизмов для вхождения личности в информационное либеральное общество — таковы ее исходные принципы. **Продвижение России вперед сторонники данной концепции связывают не просто с развитием демократии и рыночных отношений, а с поиском собственного национального почерка в реализации модернизационных процессов** [16]. Лишь создав собственный культурный пласт в едином планетарном информационном пространстве, мы будем иметь возможность вести речь об информационной независимости.

1 См.: Рекомендации парламентских слушаний “О построении в России информационного общества” // Available at: <http://www.akdi.ru/gd/inform/10-06/r10-06.htm>

2 Иванов В.Д. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб. 2000 Available at: <http://www.institute.org.ru/library/articles/1013771501/>

3 См.: Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М., Мысль, 1986. С. 73.

4 Gribbin J. Future Worlds. N.Y. 1981. P.10.

5 См., например: <http://www.wired.com/wired/5.09/newrulespr.html>

6 Шагина М. Ревизия // Эксперт, Интернет, 6 (14) от 10 сентября 2001 года // Available at: <http://archive.expert.ru/internet/01/01-33-93/future1.htm>

7 Жуков В.И. Российские реформы: социология, экономика, политика. М., 2002. С. 288.

8 Смелзер Н. Социология // Социс. 1991. № 2. С. 120.

9 Тощенко Ж. Парадоксальный человек (главы из книги) // Безопасность Евразии. № 4. 2001, октябрь-декабрь. С. 121.

10 См.: Маховская О. Человек "поколения излома": опыт научной идентификации // Pro et Contra. Том 6. № 4. Осень 2001. С. 199-206.

11 См.: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 40.

12 Ducrocq A. Le future aujourd'hui. P. 167. Цит. по: Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М., 1986. — С. 149.

13 Weiss R. Marriage and the Family in the Near Future // The Family and its Future. A Ciba Foundation Symposium/Ed. by K. Elliott. London, 1970.

14 Toffler A. The Third Wave. P. 350.

15 Колин К.К. Информационное неравенство — новая проблема XXI века // Социология, социальность, современность: Сборник научных трудов. М., 1988.

16 См.: Русакова О.Ф. Новая идеология для России: модели и сценарии зарождения // Известия УрГУ. 1996. № 5.